

Среда, 7 июля 1904 г.

№ 178. Годъ четырнадцатый. № 178.

Среда, 7 июля 1904 г.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Газета печатается в Ростове на Дону, на Базарной
улице, въ собственномъ зданіи.

Редакция для приема писемъ, отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставлены съ пометкою о адресе
автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи,
возвращаются автору въ оригиналѣ. Статьи безъ обо-
значенія уплатъ считаются бесплатными. Мелкіе замѣтки
принимаются, статьи сокращаются 1/3. Пересылку
успешной работы автору редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонораръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Область для глас. „Приазовскій Край“ (съ лица, фирмы
и торговыхъ, коммерческихъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ, Рязанѣ, Харькѣ, Одессѣ, Приамурскомъ краѣ
и Забайкальи, принадлежатъ исключительно къ контора-
мъ редакціи обществ. торговли и индуст. 1. и 3. Мотель въ
Москвѣ, съ дѣл. Гитиса, и въ сѣ. зданіи въ С.-Пе-
тербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Кин-
ской улиц. № 58.—до 12 часовъ вечера по 12 ч. и
вечеромъ по 25 ч. за строку текста или напечатанное
слово.

Ученіе полагается съ доставкой, и посылка, пожелавъ въ
выгодномъ порядкѣ:

12 н.—9 р., 11 н.—8 р. 50 к., 10 н.—8 р., 9 н.—7 р.
25 н.—6 р. 50 к., 7 н.—5 р. 75 к., 6 н.—5 р. 50 к.,
4 р. 25 к., 4 н.—3 р. 50 к., 3 н.—2 р. 75 к., 2 н.—2 р.
1 н.—1 р.

Въ корреспонденціи, въ томъ числѣ, 60 н. ежемесячно.

Подписка принимается съ начала 1-го июля.

За доставку адреса взимается 25 к.

За объявленія: за строку, занимающую пятитомъ на 1-й стро-
кѣ, 20 к., на 4-й строку—10 к.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

Въ редакціи, приложеніи при газетѣ—3 р. отъ каждой тысячи.

Главная контора находится въ Ростовѣ на Дону, на Баз.

Садовой улицѣ, въ собственномъ зданіи.

Контора открыта исключительно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣлы: редакция въ Ростовѣ на Д. и въ отдѣлахъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

Де-Вогюэ, знатокъ Россіи и русской литературы, разбираясь въ впечатлѣніяхъ своихъ по поводу прочитанной имъ «Степи» Чехова, выразился такъ: «исключительный художественный талантъ Чехова заключается въ томъ, что въ трехъ строкахъ онъ даетъ такую яркую картину природы, какой другой писатель не дастъ при трехъ страницахъ. Его художественный лаконизмъ, если можно такъ выразиться, необъятенъ»...

Когда у Чехова кто то спросилъ, гдѣ онъ успѣлъ изучить такъ тонко всѣ изгибы природы, которую онъ такъ художественно описываетъ, А. П. отвѣтилъ со свойственной ему скромностью:

— Красота природы такъ необъятна, что никто не въ состояніи изобразить ее въ продолженіе всей своей жизни ни красками, ни перомъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ Чеховъ любилъ природу. Онъ проводилъ младенческіе свои годы, какъ онъ самъ однажды выразился, «на глазахъ у солнца и полей»... Красоты природы запечатлѣлись въ его пытлимомъ умѣ съ дѣтскаго возраста. Еще будучи въ таганрогской гимназіи, онъ поражалъ учителя русскаго языка яркимъ и совсѣмъ не по дѣтски художественнымъ описаніемъ канникулярнаго времени, проведеннаго имъ лѣтомъ въ деревнѣ.

Посвятивъ себя вначалѣ медицинѣ, Антонъ Чеховъ кончилъ въ 1884 г. курсъ въ московскомъ университетѣ со степенью врача, но съ перваго же года по окончаніи курса совсѣмъ забросилъ медицинскую практику.

Въ первый же годъ послѣ окончанія курса въ московскомъ университетѣ, Антонъ Чеховъ началъ помѣщать свои маленькіе, чудесные рассказы въ «Петерб. Газетѣ».

Огромный успѣхъ имѣлъ чудный рассказикъ Чехонте «Налимъ», помѣщенный въ «Петерб. Газетѣ».

На другой же день послѣ появленія этого рассказа, въ редакцію «Пет. Газеты» посыпались открытыя письма читателей ея съ вопросомъ: «кто такое этотъ Чехонте и когда появятся еще его рассказы?»

Чѣмъ то новымъ, невиданнымъ до того времени въ ежедневной газетѣ повѣяло отъ этихъ чудныхъ миниатюръ Чехонте, собранныхъ потомъ въ отдѣльную книжку подъ общимъ заглавіемъ: «Пестрые рассказы».

— Отчего вы пишете такіе коротенькіе рассказы при такихъ обшир-

ныхъ сюжетахъ?.. Другой бы любилъ изъ вашихъ сюжетовъ растянуть на 5, на 10 печатныхъ листовъ?—спросилъ у него однажды покойный Сергей Атава.

— Оттого, что не обладаю резиновымъ терпѣніемъ: не могу растягивать на 10 печатныхъ листовъ то, что укладывается въ одномъ листѣ...

Когда онъ написалъ свою первую большую пьесу «Ивановъ», у него кто то спросилъ:

— Почему вы остановились именно на этой, слишкомъ уже обыкновенной фамиліи?

— Когда я написалъ эту пьесу, я долго придумывалъ, какое дать ей названіе, и рѣшилъ, что такъ какъ герой мой самый обыкновенный человѣкъ, а пьеса моя самая обыкновенная будничная пьеса, то дамъ я моему герою самую обыкновенную фамилію Ивановъ, а пьесу назову его фамиліей... На Руси Ивановыхъ сотни тысячъ, а такихъ Ивановыхъ, какъ мой, пожалуй, тоже не меньше.

Нов. Вр. пишетъ о Чеховѣ:

Въ расцвѣтѣ таланта взять у Россіи выдающійся художникъ-писатель, большая творческая, культурная, прекрасная сила. Писатель вдумчивый, оригинальный, замѣчательный драматургъ, задушевный человѣкъ, тонкій юмористъ, глубокий психологъ, почти философъ въ своей рисовкѣ мелкой жизни, будной ея, писатель, особенный по технику, часто миниатюристъ и живописецъ слова, какимъ былъ Мейсонье въ пластикѣ красокъ, и въ то же время возвышающійся до типовъ, поэтъ, проникновенный поэтъ. Въ лицѣ Антона Павловича Чехова русская литература утрачиваетъ нѣчто высоко цѣнное, рѣдкое—настоящаго художника, аполитъ владѣющаго тайной искусства и пользовавшагося только тѣми средствами, которыя художественному творчеству свойственны. Ни танцующія, ни логическое глубокомысліе, ни ораторскій пафосъ, ничто не мутитъ чистый алмазъ его творчества. Чеховъ даетъ жизнь въ своихъ созданіяхъ, чудомъ рождаемого слова, именно такъ, какъ давали ее наши русскіе классики—Тургеневъ, Гончаровъ, Гоголь. По объему картины, рисунки Чеховы, и могутъ уступать имъ, но не по выполненію. Онъ такой же художникъ, въ полномъ смыслѣ слова, какъ и они.

И тѣмъ ощутительнѣе неожиданная утрата, понесенная русской литературой, что, осматриваясь вокругъ, перебирая въ умѣ имена молодыхъ беллетристовъ, даже громко извѣстныхъ, чувствуешь и сознаешь, что среди нихъ есть таланты есть интересные писатели, но такихъ цѣльныхъ художниковъ въ духѣ и традиціяхъ нашей школы искусства пока нѣтъ.

Когда одинъ за другимъ ушли въ страну, откуда не возвращался ни одинъ смертный, наши лучшіе поэты-пѣвцы Фетъ, Майковъ, Полонскій, то, нынѣ тоже, увы, покойный, Владиміръ Соловьевъ написалъ такую строфу:

Тихо удаляются старческія тѣни,
Душу заключающія въ звонкіе кристаллы—
Много еще званныхъ въ царство пѣснопѣнія,
Избранныхъ, какъ эти, ужъ давно не стало.

И теперь удалился отъ насъ писатель, художникъ и званный, и избранный, и заключавшій душу въ звонкіе кристаллы слова. Но это былъ еще человѣкъ въ цвѣтѣ жизни, которому жить бы еще, писать и работать. Рано умираетъ у насъ талантъ. Чаше не пройдя и половинны пути жизненнаго. Когда теперь думаешь о Чеховѣ, припоминаешь тѣ минуты восторга, пережитыя при чтеніи его лучшихъ вещей, мѣчаешь еще особенную черту—что то милое, симпатичное въ высшей степени, трогательное, что даже въ самомъ его порочномъ псевдонимѣ—Чехонте—есть. Это подкупающее качество далеко не у всѣхъ художниковъ есть. Оно неразрывно съ мягкимъ юморомъ. И особенно цѣнна. Припомните изображенія Чеховыми дѣтскаго міра и души животныхъ, его «Двору», его «Каштанку»,—это тѣ темы, которыя являются самой характерной пробой таланта, со стороны его задушевности, человѣчности, деликатности. И тутъ именно понимаешь, какой прекрасный художественный талантъ былъ у покойнаго. Ни Чеховъ сложенъ. Онъ—реалистъ и натуралистъ, набрасывающій тончайшіе штрихи жизненнаго рисунка, въ то же время мистикъ. Припомните «Палату № 6», припомните «Чернаго монаха». Достоевскій указывалъ, что именно въ изображеніи дѣйствительности, самой простой, самой будничной выступаетъ этотъ скрытый мистицизмъ вещей. Точно это гліероглифы и символы, разгадка которыхъ не дана, не ощутима, но волнуетъ и потрясаетъ нашу душу.

Какъ образчикъ задушевности Чехова напомнимъ небольшой его рассказъ, все содержаніе котораго сводится къ изображенію странной шемящей грусти, виѣтъ съ восторгомъ, которую испытываютъ всѣ на поѣздѣ и на станціи при влѣдѣ прекрасной дѣвушки. Зовущую, шемящую грусть рождаетъ въ душѣ красота юная, расцвѣтшая, съ восторгомъ отъ созерцанія ея смѣшана непонятная боль. Какъ хорошо это у Чехова, и сильно, и правдиво, и полно поэзіи.

Оригинальность его техники въ томъ, что онъ не давалъ «крупныхъ» вещей по объему, писалъ небольшіе рассказы. Не сколько среди нихъ чистѣйшей воды истинныхъ алмазовъ.

Первые шаги.

Л. Н. Толстой недавно еще сказалъ: «послѣ тургеневскихъ «Записокъ охотника», природа нашла лучшаго своего художника въ лицѣ Чехова»...